

© 1992 г., ЭО, № 4

Н. Б. Кочакова

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИЛЕ-ИФЕ

(очерк первый)

Весной 1990 г. я приехала в город Иле-Ифе (в юго-западной Нигерии) и провела там два месяца. Мне удалось познакомиться со многими людьми и многое увидеть. Основной целью моей поездки были научные исследования. Однако в предложенных читателю заметках мне хотелось бы рассказать не столько о полученных научных результатах, сколько поделиться живыми впечатлениями о сегодняшней жизни народа йоруба, о его быте, одежде, жилище, обычаях, традиционных институтах и о великолепном университете им. Обафемис Аволово.

Иле-Ифе — старый город, может быть, самый древний в Нигерии. Есть археологические свидетельства, что он существовал уже в VI в. н. э. Место, возле которого археологи около 30 лет назад брали пробы для датировки радиоуглеродным методом, можно видеть и сейчас на одной из центральных улиц города. Это святилище, отмеченное снаружи небольшим холмиком из органических остатков, спрессовавшихся на протяжении столетий в твердую как камень массу. Оно носит название Орун-Оба-Адо, т. е. «небеса бенинских царей». В этом месте, согласно традиции, вплоть до середины XIX в. хоронили останки (головы) царей Бенинского царства*, откуда их везли сюда длинным и трудным путем в знак подтверждения происхождения бенинской династии из Иле-Ифе. Сейчас не более чем в метре от Орун-Оба-Адо стоит крошечная мелочная лавчонка, и ее хозяйка знать не знает, что своими ногами она ежедневно попирает древнюю святыню.

Таких городов, как Иле-Ифе, нет нигде в Нигерии и во всей субсахарской Африке. Это город-святыня, прародина народа йоруба, первоначальное ядро йорубской государственности и культуры; по традиционным представлениям йоруба, Иле-Ифе — это центр вселенной и то место на земле, где по воле богов возникла первая суша, первые люди и звери. Первые цари также появились в Иле-Ифе. Разумеется, современные нигерийцы понимают, что это древний миф. Тем не менее мне была подарена книга, написанная и опубликованная в Иле-Ифе менее 10 лет назад, в которой миф предстает как неопровержимая правда истории; более того, весьма оригинальным способом доказывается, что первые в мире люди были чернокожими. При упоминании об этой книге я видела иронические усмешки на лицах нигерийцев — университетских преподавателей, и все же...

Наивная с точки зрения современной науки, эта небольшая книжка — по своей сути примечательный факт культуры, ибо она отражает глубоко укор-

* Бенинское царство, или Бенин, — доколониальное государство на территории юго-западной Нигерии. В конце XIX в. было захвачено и варварски разграблено англичанами. Предметы бенинского искусства — сотни скульптур из бронзы и слоновой кости — были вывезены в Европу и ныне украшают многие музеи мира.

нившееся в народе представление об исторической миссии древнего города, очага йорубской государственности.

По территории Иле-Ифе* — маленькая частица огромной Нигерии, по своему историко-культурному значению это известный всему культурному миру центр древней и самобытной африканской цивилизации. В начале нашего века Лео Фробениус, знаменитый немецкий этнограф, побывал здесь и, пораженный сложности традиционной культуры и античной красотой ифского искусства, уверовал, что нашел в Иле-Ифе наследие древней Атлантиды, и посвятил доказательству своей гипотезы несколько научных трудов. Впоследствии западными и нигерийскими учеными было доказано, что цивилизация ифе создана не мифическими атлантами, а народом йоруба, однако в ее происхождении и ранних этапах развития осталось много неясного.

Времена меняются, и сегодняшний Иле-Ифе в политико-административном отношении — всего лишь уездный город штата Ойо — одного из 21 штатов Нигерии; он подчиняется военному губернатору, штаб-квартира которого находится в столице штата — г. Ойо. Однако Иле-Ифе остается духовным центром народа йоруба — не только в Нигерии, но и для тех нескольких миллионов йоруба, которые рассеяны по странам Западной Африки, Европы и США, а также для потомков черных рабов, вывезенных некогда с их родины на Кубу, Тринидад и Тобаго, в Бразилию, на Гаити и в другие страны Центральной и Южной Америки. Мне рассказывали, что из этих стран сюда приезжают как к святым местам в Палестину — поклониться святой земле Ифе и увезти ее горсть почвы на новую родину.

Город Иле-Ифе по-прежнему организован по традиционному принципу: его политический и культурный центр — большая дворцовая территория, окруженная глухой стеной. От дворца и площади перед ним радиально расходятся улицы, между которыми расположено шесть кварталов города. Главы кварталов, как и в доколониальный период, образуют нижние звенья городской администрации. Каждый квартал по-прежнему состоит из так называемых *агболе* — дословно «куча домов». Это поселение групп родственников, оно представляет собой скопление домов вокруг внутреннего двора, который служит объединяющим центром для членов агболе. Во дворах и прямо на улице перед домами разгуливает великое множество коз и маленьких хороших козлят. А вот собак, столь привычных для наших городов и поселков, в Иле-Ифе не видно. Однако какое-то количество их должно быть в городе хотя бы потому, что собачья голова — главное жертвоприношение Огуну — богу войны и железа.

Внешне некоторые кварталы города в точности напоминают описания, оставленные путешественниками и этнографами конца XIX — начала XX в. Дома бедняков, как и 100 лет назад — одноэтажные глинобитные постройки с небольшими оконными отверстиями без стекол. Впрочем, мой собственный опыт говорит о том, что в оконных стеклах нет особой необходимости: если в доме нет кондиционера, закрытые окна создают невыносимо жаркую и душную атмосферу внутри помещения.

Особенностью традиционного жилища йоруба является то, что умерших родственников хоронят внутри агболе. Этого требуют традиционные верования. О кладбищах мусульман и христиан йоруба-традиционалисты презрительно говорят, что те хоронят своих мертвых «в лесу». В устах йоруба, тысячелетняя культура которых построена на противопоставлении дикому лесу-бушу окультуренного, огороженного городскими стенами пространства, это выражение значит очень много. Я не знаю, насколько сегодня распространен этот старинный способ

* На картах Нигерии, изданных в СССР, нет города с таким названием: везде «г. Ифе». Однако в Нигерии ныне принято называть его Иле-Ифе, что следует признать более правильным и с научной точки зрения, ибо «ифе» — это имя народа (точнее, подгруппы народа йоруба, являющейся автохтонами Ифе). А слово «иле» означает по-йорубски «дом», т. е. Иле-Ифе переводится как «дом ифе».

захоронения, но мне показывали могильные надгробия людей, захороненных относительно недавно внутри агболе, прямо посреди двора.

В отличие от Лагоса, где большинство жителей носят европейское платье, взрослое население Иле-Ифе предпочитает национальную одежду (за исключением школьников, которым, как мне говорили, предписывается ходить в платье европейского покроя). Современный йорубский национальный костюм шьется, как правило, из пестрых, реже однотонных тканей местного или импортного производства и требует большого количества материи: около восьми метров на мужской костюм и шести метров на женский. Для йорубской женщины считается неприличным показываться на улице, на людях с обнаженными плечами. Это допустимо только дома. Традиционный женский костюм состоит из блузки и особым образом сшитых полос из той же материи, которые обертываются вокруг талии и бедер, завязываются узлом на талии и образуют длинную, до щиколоток юбку; меньший кусок материи наворачивается в виде очень сложного тюрбана на голову. Мужской костюм состоит из длинных штанов, рубашки навывпуск и самого красивого элемента костюма, так называемого *агбада*. Агбада — это длинная (подчас значительно ниже колен) и очень широкая рубаха, надеваемая через голову и ниспадающая крупными складками. Агбада надевают не всегда, но непременно в торжественных случаях. Мужской костюм дополняется также шапочкой типа фески или колпачком из той же материи, что и костюм. Отличительная особенность мужского и женского йорубского платья — отсутствие пуговиц, застежек, воротников, манжет, обшлагов, пришитых декоративных деталей. Нарядность, красота и эlegantность достигаются за счет умело подобранной расцветки, а йоруба обладают поистине великолепным вкусом. Традиционная одежда — отнюдь не застывшая этнографическая норма. Напротив, в последние годы происходит своего рода реабилитация (по сравнению с колониальным периодом) национального костюма. Яркое свидетельство тому не только его популярность в народе (кстати, хороший национальный костюм обходится дешевле хорошего европейского), но и то, что он видоизменяется со временем под воздействием местной моды: стали использоваться цветные кружевные ткани для мужского костюма, вышивка по горловине и другие детали.

Изменения коснулись и украшений. В традиционном обществе бусы, браслеты, ожерелья и т. п. несут знаковую функцию: они могут обозначать принадлежность к той или иной группе жречества, свидетельствовать о месте их владельца в должностной иерархии. В современном Иле-Ифе далеко не все его жители могут определить по цвету бус или форме подвески принадлежность владельца этих украшений к той или иной статусной группе, к той или иной традиционной должности. Зато почти все они умеют читать и писать. И вот появилось нововведение: каждый сановник, каждый вождь, входящий в традиционную структуру управления, имеет теперь полированную деревянную табличку, на которой выгравировано название его титула. Дощечка подвешивается на цепочку, и в торжественных случаях она украшает грудь вождя точно так же, как определенный вид бус в прежние времена, когда у йоруба еще не было письменности.

Остается заметить, что национальный костюм гораздо более, чем европейский, удобен и приспособлен для носки в тропическом климате, а его яркие краски выглядят очень красиво под африканским солнцем.

Хотелось бы сказать два слова и о прическах. Только в Иле-Ифе, когда меня однажды причесали по-национальному, я поняла, почему основа африканской традиционной прически — деление волос на множество мелких косичек: таким путем достигается вентиляция кожи головы, что совершенно необходимо в африканскую жару. Но такие прически — очень сложные, вычурные, красивые, составленные из множества косичек, я видела у немногих, в основном у девочек и молодых девушек. Сооружение традиционной прически требует времени, а свободного времени у современной йорубской женщины мало. Те, у кого есть деньги, предпочитают делать химическую завивку, точнее «развивку»; если мы

делаем «химию» для того, чтобы волосы завивались, нигерийские женщины с помощью химической завивки добиваются распрямления своих от природы курчавых волос; такие распрямленные волосы быстрее расчесываются и легче укладываются. Что же касается совсем старых женщин или тех, у кого нет денег на завивку, то они очень коротко стригутся или же бреют голову, которую всегда могут покрыть традиционным тюрбаном.

Словом, если приглядеться внимательнее, древний Иле-Ифе постепенно приобретает новые черты и привычки. По неофициальным подсчетам, за последние 30 лет его население увеличилось, главным образом за счет миграций, с 130 тыс. до полумиллиона человек. В Иле-Ифе есть все или почти все, что положено иметь современному городу: почта, телеграф, магазины и рынки, где в отличие от наших торговых точек можно купить любой товар местного или иностранного производства, аптеки, книжные лавки, культовые сооружения, музеи, школы, больницы, тюрьма, ремесленные и ремонтные мастерские, автозаправочные станции и т. п. И все же в основе своей это глубоко традиционный город. Новое, современное как бы надстраивается над традиционным, дополняя, но не уничтожая его.

Проводниками сохранения и развития традиционной культуры в Иле-Ифе ныне являются два института, два органа: традиционные власти и университет. Иными словами, самое древнее и традиционное сотрудничает с самым новым и современным. И в этом заключается, пожалуй, одна из главных особенностей сегодняшнего развития этой части Нигерии.

Традиционные структуры управления и власти сохранились в Нигерии повсеместно. Они состоят из довольно разнородных элементов, включая в себя правителей больших и малых некогда независимых доколониальных государств, развивавшихся на территории нынешней Нигерии до конца XIX — начала XX в., т. е. до их захвата англичанами. Помимо этого в состав традиционных структур управления и власти входят сановники различных рангов, старосты деревень, округов, кварталов. Все они наделены тем или иным титулом в соответствии с местной титулатурой. У каждого народа Нигерии (а в этой стране живет около 200 больших и малых народов) сохранилась своя традиционная иерархия носителей титулов и соответственно своя титулатура. В колониальный период англичане в интересах колониального управления пытались как-то упорядочить и унифицировать обилие этих разнообразных иерархий. Они разделили всех традиционных правителей на несколько рангов, или разрядов, назвав их «туземными властями», и ввели в обиход слово «вождь», которым стали обозначать и сановников различных рангов, и вождей племен, и старост и т. п. В современной независимой Нигерии в полной мере возрождена традиционная титулатура, но наряду с ней продолжают использоваться термины, введенные англичанами: «традиционный правитель» для монархов (эмиров и *оба*) бывших независимых государств и «вождь» для обозначения всех представителей традиционного управления и власти ниже монарха.

За последние 30 лет в Нигерии появилась также новая практика: наделять людей почетным традиционным титулом за какие-либо заслуги перед обществом (а иногда и за взятку). И если вы видите на визитной карточке нигерийца слово *chief*, т. е. «вождь», то это вовсе не означает, что ваш новый знакомый входит в традиционную структуру управления, скорее всего он просто обладатель почетного титула.

За сравнительно короткий период колониального управления Нигерией англичане много экспериментировали с традиционными структурами, одновременно ломая и подкармливая их, подчиняя и используя в своих интересах, возвышая и поддерживая одних и низводя других до ничтожного состояния.

В настоящее время границы власти традиционных структур сужены законодательным путем еще больше, чем в колониальный период. Представители традиционных структур власти не входят ни в федеральное правительство, ни в правительства штатов. Официально сфера их влияния — местные органы власти,

в которых им отведены по преимуществу представительские и совещательные функции.

Нигерийские средства массовой информации не обходят вниманием этот институт, подробно рассказывая о церемониях коронаций, похорон, юбилеях традиционных правителей, их распрах по поводу места в традиционной иерархии и т. п. Некоторых тем, таких, например, как источники доходов традиционных властей, печать, как правило, избегает, зато не скупится на критику: на традиционных правителей рисуют карикатуры, их, случается, именуют в печати кровососами, ретроградами, пережитками прошлого и т. п. Словом, значительная часть интеллигенции рассматривает эту прослойку как тормоз на пути радикальных социальных преобразований в стране.

Но было бы неверно полагать, что приведенная точка зрения отражает настроение всего общества. Сегодня традиционные правители и вожди, как и раньше, пользуются уважением и влиянием у очень большой части населения. У меня создалось впечатление, что многие по-прежнему видят в них «отцов народа», хранителей традиционной культуры, древних обычаев и верований, словом, всего того, что обычно называют «духом наций». Традиционный правитель (оба по-йорубски) и его дворец ассоциируются у йоруба, особенно в Иле-Ифе, с традициями славного прошлого, с замечательными достижениями древней цивилизации Ифе. Ведь в прежние времена именно дворец был средоточием культурных ценностей народа, центром не только политической и религиозной жизни, но и главным художественно-ремесленным центром. Характерно, что главный музей Иле-Ифе — хранилище бесценных скульптур из терракоты и бронзы — основан традиционным правителем и расположен совсем рядом с воротами, ведущими в его дворец.

Нынешний оони, т. е. традиционный правитель Иле-Ифе, оба О. Сиджуваде Олубусе Второй, стал им в 1980 г., в возрасте 50 лет. Согласно обычаю, оони является священным царем, т. е. воплощает в себе благополучие и здоровье народа. Обычай предписывал, чтобы священный царь большую часть года (исключая несколько общегосударственных праздников) проводил затворником в своем дворце и если появлялся на народе, то непременно бы прикрывал лицо вуалью из бус, нитями свисавших с его короны. Покидать пределы государства ему также возбранялось. Эти и многие другие запреты, налагаемые обычаем на священного царя, имели ритуально-магическое значение: предполагалось, что они обеспечивали сохранность магических свойств, которые царь приобретал в ходе обряда коронации и других ритуально-обрядовых действий.

Время внесло большие коррективы в древние обычаи. До своего избрания на трон традиционный правитель Иле-Ифе успешно занимался бизнесом. Он не оставил этого занятия и сегодня. Оба Сиджуваде — один из тех, кто способствует развитию торгового бизнеса между нашей страной и Нигерией. Он бывал у нас более 15 раз, и благодаря его предпринимательской деятельности в Иле-Ифе импортируется некоторое количество автомобилей и других наших промышленных товаров.

Я видела оони всего два раза. Первый раз это было в г. Ойо во дворце другого традиционного правителя, носившего титул *алафина* (дословно «хозяин дворца»). Оони посетил Ойо специально для того, чтобы выразить сочувствие и оказать материальную помощь алафину, дворец которого незадолго до этого сильно пострадал от пожара. Его приезд был весьма впечатляющим. Оба Сиджуваде Олубусе Второй приехал во дворец алафина, оба Ламиди Адейеми Третьего, в роскошном черном «Мерседесе» под охраной моторизованного эскорта автоматчиков. На всем пути следования из Иле-Ифе в Ойо оони приветствовали толпы народа. На территории дворца его восторженно встречали сотни людей — простой народ, а также вожди и традиционные правители, съехавшиеся по этому поводу во дворец со всех концов йорубской земли. Встреча священного царя широко освещалась прессой и была расценена как важное политическое событие, как этап в стабилизации традиционных политических сил.

Второй раз я видела оони в совсем уж светской обстановке: он был приглашен университетом им. Обафеми Аволово в качестве почетного председателя на обсуждение публичной лекции одного из профессоров, посвященной социальным проблемам современной Нигерии. Оони держался непринужденно и просто в среде университетской профессуры, с явным удовольствием выполнял обязанности председательствующего.

Внешне традиционный правитель Иле-Ифе производит приятное впечатление — у него живые манеры и правильные черты лица. Кстати, согласно йорубской традиции, внешность имеет значение при выборе кандидата на трон: священный царь не должен иметь явных физических недостатков, гармония физических черт учитывается при избрании. Эти требования связаны с представлениями о том, что правитель воплощает в себе здоровье и процветание народа и страны и является их хранителем. Считается, что среди 201 божества Иле-Ифе 201-м является сам оони. В свете этих традиционных представлений меня несколько удивило, что по вероисповеданию оба Сиджуваде — христианин. В городе (за пределами дворца) есть церковь, возле которой погребены его родственники. На мой вопрос, как же можно быть одновременно и христианином, и язычником, я получила характерный ответ от одного весьма образованного йоруба: «оони — ориша (т. е. божество), а это значит, что он не может ошибаться, что он всегда прав в своих поступках».

Было бы, однако, неправильно видеть в этом утверждении намек на непрекаемость или, более того, на деспотический характер царской власти у йоруба, на узаконенность царского произвола. В действительности ограничение власти священного царя заложено в традиционной политической структуре. Выбор правителя и его деятельность ограничены советом традиционной знати и своеобразным политико-религиозным институтом — обществом *огбони*.

Современному европейцу довольно трудно понять и тем более объяснить, что такое *огбони*. Подобные общества, или союзы, существуют и в некоторых других странах Африки. Этнографы называют такие организации тайными обществами, хотя они бывают в достаточной степени массовыми по составу. Другое дело, что на собрания общества, происходящие в специальном культовом помещении — *иледи*, не допускаются непосвященные. Мне, в частности, не довелось даже взглянуть на дом *огбони*, защищенный с улицы глухим забором и тяжелыми воротами. Сохранение тайны свято соблюдается.

Огбони и подобные ему тайные общества, или союзы, появились в глубокой древности на стадии разложения родового общества. В те далекие времена основное назначение этих союзов состояло в том, чтобы подготовить молодежь к самостоятельной жизни в родо-племенном коллективе. Впоследствии, по мере развития и усложнения общества и его социально-политических структур, зарождения государства, в *огбони* развились и усилились судебные-полицейские функции, освященные представлениями о причастности *огбони* к тайнам духов земли, каравших людей за пролитие крови. Кроме того, произошло расслоение внутри *огбони*: выделилась верхушка, ответственная за принятие решений. В колониальный период, наиболее тяжелое время для выживания традиционных структур, подвергавшихся насильственной ломке, произошла трансформация *огбони* в так называемое реформированное братство *огбони*, с тем, чтобы обеспечить выживание этого традиционного института перед натиском колонизаторов и мировых религий — христианства и ислама.

В Иле-Ифе у меня была возможность побеседовать с одним из руководителей *огбони* в этом городе, европейски образованным человеком, сочетающим традиционные функции с преподаванием и научной работой в университете. По его словам, традиционные структуры власти в Иле-Ифе сохранились в видоизмененной форме, что объясняется прежде всего социальной стратификацией общества, активным участием традиционных кругов, включая верхи, в современных секторах общественного производства, их своего рода раздвоением между традиционной и современной сферами деятельности. *Огбони* пользуется в Иле-Ифе большим

уважением. В настоящее время общество насчитывает около 4 тыс. членов. Существует строгий отбор кандидатов в его члены. Совет огбони образуют 17 человек, из них семь — самые влиятельные, это те, кто в конечном счете принимает решения. Кстати, мой собеседник был одним из этих семи.

Сегодня в огбони могут быть приняты представители самых разных слоев населения — и богачи, и бедные крестьяне, в том числе даже те, кто приехал на жительство в Иле-Ифе из других мест. Членами огбони могут быть христиане и мусульмане. Верхушка огбони состоит из жрецов Ифы (бога судьбы), бизнесменов, крестьян, вождей. Всех их объединяет одно качество: они происходят из самых древних родов Иле-Ифе, восходящих к периоду зарождения города (т. е. к I тыс. н. э.). Таких родов в Иле-Ифе, согласно традиции, насчитывается 13. Выходцы из других штатов Нигерии, живущие ныне в городе, могут быть приняты в члены огбони, но они никогда не войдут в состав верхушки.

Между тем именно верхушка огбони, по словам моего собеседника, обладает реальной властью в городе. Она контролирует и предпринимательство, и религиозные организации (включая христианские и мусульманские), и традиционные органы управления. Например, если верхушка огбони не одобряет того или иного политического решения традиционного правителя, он обязан подчиниться. Отвечая на вопрос о причинах всемогущества огбони, мой собеседник ограничился традиционным объяснением, а именно связью огбони с землей предков и исходящим от предков духом «правды, уважения и равенства».

Как исследователя традиционных структур, меня весьма интересовал вопрос об источниках и размерах доходов традиционных правителей. Сколько-нибудь полной картины у меня на этот счет не сложилось: официальные данные не публикуются, а задавать вопрос, являясь в гости: «Скажите, каков ваш доход и откуда?», согласится, не очень-то прилично. Простые люди, уроженцы Иле-Ифе, имеют разные точки зрения на этот предмет. Одни убеждали меня, что основное богатство традиционной знати — это земля (бывшие общинные земли), которая по мере роста города становится все более ценным источником дохода. Я и сама имела возможность видеть на территории города обширное пространство, отгороженное от улицы глухим забором с надписью на воротах: «Владение Сиджуваде», т. е. правящего оони. Мне также рассказывали о 45 домах, принадлежащих оони и сдаваемых им внаем сотрудникам университета. Другие люди говорили мне, что основное богатство оони нажито им собственными усилиями в качестве весьма удачливого бизнесмена, подчеркивая при этом, что вклад, сделанный традиционным правителем в социально-экономическое и культурное развитие города, во много раз выше того, что он извлек на основании традиционных источников дохода. Оклады, которые традиционные правители и вожди получают от федерального правительства за службу в местных советах, невелики, особенно если учесть, что у них большие расходы, которые в современном мире принято называть «представительскими», и, кроме того, по традиции вождь должен оказывать помощь своим подданным.

Вообще, насколько я понимаю, есть много других побудительных причин, кроме богатства, у людей, соглашающихся занять высокий традиционный пост. Во время моего пребывания в Иле-Ифе было объявлено, что 50-летний профессор биохимии был избран обой одного из небольших городов. Коллеги профессора из университета им. Обафеми Аволово говорили мне, что он теряет престижную профессию, привычный уклад жизни и не становится богаче.

Что же касается чисто зрительных впечатлений о богатстве или бедности, то на них нельзя было полагаться, так как внешних признаков мне просто не удалось увидеть. Может быть, это объясняется тем, что мне не представилось возможности познакомиться с настоящими богачами — крупными предпринимателями или же с представителями правящих кругов страны. В г. Ойо я была в царском дворце. То, что я видела (тронный зал, внутренние покои сестры царя, царский сад и т. п.), показалось мне очень бедным даже по нашим нынешним представлениям. Помимо дворца я побывала в доме одного очень важного вождя,

в домах и квартирах интеллигенции и простых людей. Традиции современного нигерийского (йорубского) интерьера, их представления о красоте и удобстве жилища сильно отличаются от наших, их трудно сравнивать, хотя обстановка в общем европейская. Такое впечатление, что, по сравнению с нашими домами и квартирами, у йоруба очень мало вещей, практически нет безделушек, мало книг. Почти во всех домах, где я бывала, единственное украшение стен — иллюстрированные календари за нынешний и прошлые годы и, если хозяева состоятельны, их собственные фотографии. Ощущение такое, что в их домах нет вещей, передаваемых по наследству. То, что есть, имеется сегодня в ассортименте многочисленных магазинов города или вывезено из-за границы. Такие принятые у нас украшения жилища, как люстра, ковры на стенах, кружевные или шелковые занавеси на окнах, также отсутствуют. Одним словом, йоруба и в доме предпочитают простор, не загромождают свои комнаты вещами и мебелью. В то же время непременными атрибутами йорубского дома среднего достатка являются большие вентиляторы и хорошие большие холодильники; многие семьи (но не все) имеют автомашины или мотоциклы, зато вместо пылесоса и полотера пользуются исключительно сухим веником.

Особо хотелось бы сказать о нигерийских дорогах. Они прежде всего хорошие — аккуратно заасфальтированные, чистые, ровные и красивые, правда, не очень широкие, двурядные. И ездят по ним преимущественно легковые машины — «Пежо», «Тойоты», «Фольксвагены», изредка «Мерседесы», еще реже наши «Жигули» и в изобилии — разноцветные микроавтобусы и микрогрузовички, украшенные различными надписями и картинками.

По обеим сторонам шоссе видны возделанные участки земли, перемежающиеся вторичным (т. е. выросшим на залежных землях) лесом. На обочинах не валяются ни бумажки, ни жестянки и нет привычных для нас свалок мусора. Там, где шоссе проходит через город или деревню, обочина превращена в рынок. Продают все, но главным образом продовольствие: огромные клубни ямса, роскошные ананасы, бананы, плантейн, тушки каких-то крупных грызунов.

Местные власти каждого штата взимают специальные пошлины, которые идут на ремонт дорог.

Сочетание традиций и современности в Нигерии проявляется в самых неожиданных аспектах социально-политической и культурной жизни. Так, например, путешествие в столицу штата Ойо — г. Ойо в сопровождении журналистов и университетской профессуры никак не предвещало встречи с рабами — реликтами доколониального прошлого. Рабство в Нигерии давно отменено законом*, условия социально-экономического развития страны, по крайней мере в южных штатах, не благоприятствуют существованию рабства. Тем не менее домашние рабы кое-где сохранились.

Принцесса, сестра алафина — традиционного правителя Ойо, с большой охотой продемонстрировала мне своих домашних рабов. По ее знаку из внутренних покоев дворца в комнату вбежали три весьма пожилых бритых мужчины в серых полосатых одеждах, очень легко, прямо-таки изящно упали ниц к нашим ногам и оставались в таком положении некоторое время. Выполнив ритуал, они столь же непринужденно отправились с нами в дворцовый сад, где мы вполне демократично сфотографировались все вместе в одном ряду: рабы, принцесса, я, университетские преподаватели, шофер нашей машины.

Эти дворцовые рабы выполняли функции домашних слуг. По закону они могли бы, если бы захотели, в любой момент стать свободными (и, добавим, социально и материально обеспеченными).

Как я уже упоминала выше, вторым после традиционных структур власти

* Отмена рабства на территории Нигерии была провозглашена в 1901 г., но указ 1901 г. не отменял домашнее рабство, а просто запрещал хозяевам возвращать беглых рабов или приобретать новых. Все три конституции независимой Нигерии (1961, 1979, 1989 г.) провозгласили отмену рабства.

фактором сохранения и развития традиционной культуры и цивилизации Ифе является университет им. Обафеми Аволово (УОА), названный так в честь выдающегося политического и общественного деятеля Нигерии. УОА был zaloжен в 1962 г. на территории древнего рынка. Теперь в нем обучается более 13 тыс. человек, а вместе с филиалами в окрестных городах — около 18 тыс. студентов из Нигерии, других стран Африки и Японии.

В настоящее время в УОА есть 11 факультетов: гуманитарный (включающий отделения истории, религиоведения, археологии, западных языков и языка йоруба, музыковедения, театрального искусства, живописи и ваяния), сельскохозяйственный, педагогический, градостроительный, медицинский, фармацевтический, юридический, факультеты управления, естественных наук, общественных наук (т. е. прежде всего экономики), технологический. Университет имеет также в своем составе компьютерный центр, Институт естественной истории и Институт экологии. Создается также Институт культурных исследований. В цели и задачи этого нового научного центра входит работа по сохранению африканского культурного наследия и в еще большей степени решение проблем, связанных с адаптацией и интеграцией африканских культурных ценностей и наследия в повседневную жизнь африканцев. Руководство института ставит также целью своей деятельности раскрепощение воображения африканцев, которое, по мнению африканских ученых, пострадало от чрезмерной европеизации образования и обучения.

Профессорско-преподавательский состав УОА — преимущественно нигерийцы, получившие высшее образование и ученые степени в Нигерии, странах Запада, Восточной Европы и СССР. Есть очень немного иностранных ученых, работающих по контракту. И, наконец, существует практика приглашения ученых из-за рубежа на срок не более месяца. Однако реально удельный вес иностранцев ничтожно мал. Ученые программы и лекционные курсы предельно «африканизированы», «йорубизированы», т. е. максимально приближены к местным реалиям и потребностям.

У этого учебного и научного центра есть одна специфическая особенность: в отличие от европейских и наших отечественных университетов, выросших на базе городской культуры и являющихся ее неотъемлемой частью, УОА возник как антипод древнему городу. Подобно всем традиционным йорубским городам, Иле-Ифе в течение многих сотен лет жил и развивался как огромное городское поселение крестьян-земледельцев и ремесленников. А за городскими стенами (доныне сохранились их остатки — добыча археологов) простирался тропический лес, перемежаемый деревнями и сельскохозяйственными участками, обработанными мотыгой и *катласом* (большим ножом с широким лезвием). Иными словами, современный университет строился в сельской местности. Традиционный город не располагал для этого ничем, кроме рабочей силы. Поэтому с самого начала, одновременно со строительством учебных корпусов и административных зданий, общежитий для студентов и коттеджей для преподавателей университет строил свою электростанцию, систему водоснабжения, дороги, телекоммуникации, возводил школы, больницы, магазины, кафе и рестораны.

Я не знаю имени архитектора — создателя УОА, но он заслуживает всяческой похвалы: университетский комплекс производит впечатление удобства, красоты и праздничности, хотя сейчас некоторые его здания обветшали и нуждаются в ремонте.

В отличие от наших вузов, наших зданий с закрытыми дверями и окнами, нигерийский университет распахнут наружу, он не вполне отделен от окружающей природы. Часть учебных занятий (например, репетиции театрального отделения), общественная деятельность, развлечения, отдых протекают у всех на виду, под открытым небом. Профессура, преподаватели и административный персонал живут в отдельных каменных коттеджах, привольно раскинувшихся на территории кампуса под чистым небом, среди зелени, цветов, пенья птиц, звона цикад по

вечерам. Вокруг каждого коттеджа — сад, огороженный только зеленью; заборов нет — они здесь не нужны. К каждому дому ведет заасфальтированная дорожка.

Правда, люди жалуются, что им приходится платить (и не так уж мало) не только за квартиру, за газ и электричество, но и за воду, доставляемую из водохранилища. Кроме того, по достижении пенсионного возраста преподаватели должны покидать УОА. Поэтому каждый, кому позволяют средства, стремится обзавестись заранее недвижимой собственностью в городе.

На территории университета есть хороший двухэтажный книжный магазин. В нем торгуют книгами по всем отраслям знаний и художественной литературой на английском и на языке йоруба. Наши советские книги (в переводе на английский издательством «Прогресс») закупаются университетом в больших количествах и пользуются спросом у читателей, особенно книги по математике, электронике, естественным наукам. Я видела также, как покупали работы В. И. Ленина. Кроме магазина книжной торговлей занимаются многочисленные киоскеры, лотшницы и даже розничные торговки, которые располагаются прямо на земле и торгуют книгами вперемешку со сладостями, фруктами и т. п. И в магазине, и на лотках продается много религиозной литературы — различные издания Библии, брошюры о христианских организациях в Нигерии, а также разнообразие картинки на библейские темы, открытки с цитатами из Библии или Корана.

В отличие от нашей страны, ксерокопирование любого текста не составляет никакой трудности для нигерийца. В кампусе установки для ксерокопирования есть повсюду — около общежития, при киосках с прохладительными напитками, близ учебных корпусов и т. п. Вы платите 50 кобо (это примерно $\frac{1}{18}$ американского доллара) и через минуту получаете хорошо отпечатанную страницу.

Внешне УОА и г. Иле-Ифе — это два разных мира: современный, динамичный, озелененный, европеизированный и зажиточный кампус (университетский городок) и внешне бедный, хотя и красочный, сугубо традиционный, густонаселенный, по преимуществу одноэтажный и глинобитный древний город. Физически университет (площадь кампуса — 5,6 тыс. га) и город также разделены — где стеной, где густой лесополосой.

Попасть в кампус можно через несколько ворот, у которых дежурят вооруженные охранники. Посты охранников установлены и в других местах кампуса: возле учебных корпусов, общежитий, на дорогах и т. п. Я около месяца жила в гестхаусе (гостевом доме) проректора УОА. Напротив, прямо через шоссе, находилась резиденция проректора — усадьба в глубине обширного сада, огражденного стеной. Вход в усадьбу защищали ворота, снабженные современной техникой наблюдения, с двумя вооруженными стражниками, дежурившими там днем и ночью. Мощный фонарь у ворот иногда не гасили даже днем. Эти же стражники присматривали и за входом в мой гестхауз, где фонарь вообще не гасили ни днем, ни ночью. У двери на приступочке всегда лежала серенькая книжечка, в которой стражник рано утром расписывался в том, что гестхаус цел и ничего в нем не случилось. Точно так же и другие стражники рано утром обходили коттеджи, где живут преподаватели, и расписывались в том, что все в порядке. В результате в университетском городе жизнь действительно спокойная и безопасная, в отличие, скажем, от городов, где бывают и грабежи, и насилия, и убийства.

Помимо охранников в кампусе есть и полицейские. Но их значительно больше в городе. Они носят черную форму и вооружены дубинками и автоматами. Мне говорили, что существуют еще и тайные агенты в штатском. Здесь стоит напомнить, что университеты Нигерии, как правило, являются и центрами политической активности населения, зачинщиками массовых политических действий.

И все же взаимопроникновение и взаимовлияние университета и города осуществляется постоянно и по многим каналам. В городе живет многочисленный обслуживающий персонал УОА и часть преподавателей и студентов, привносящих в жизнь города новые представления, элементы современного образа жизни, новые духовные ценности. Город в свою очередь вторгается на территорию

кампуса главным образом островками продовольственных рынков, стихийно сформировавшихся с молчаливого согласия ректората возле студенческих общежитий и у въездов в кампус. Создание УОА привело в появлению в Иле-Ифе культурных учреждений, не известных традиционному обществу: зоопарка, музея естественной истории, великолепного студенческого театра.

Профессора университета взаимодействуют с традиционными структурами города. Они и вожди высших рангов принимают участие в университетских мероприятиях. Некоторые преподаватели, уроженцы города, обладают традиционными титулами и входят в традиционные структуры власти, участвуют в обрядово-ритуальной деятельности. В результате этих непрерывающихся контактов между УОА и городом традиционные вожди, жрецы, сказители и другие хранители древних традиций охотно идут на союз с представителями современной науки и воспитывают народ в уважении к ней, а современная интеллигенция производит отбор лучших и наиболее гуманных черт древней цивилизации, разрабатывает и интерпретирует традиционную философию. На меня произвели большое впечатление исследования местных ученых в этой области.

Два месяца — слишком маленький срок, чтобы познакомиться с жизнью университета. Большинство моих впечатлений все-таки внешние. Внутренняя жизнь УОА, полная своих драм, лишь временами приоткрывалась свидетелю-иностранцу. Так, во время моего пребывания в УОА выплеснулось на поверхность недовольство обслуживающего персонала университета. Их забастовку я ощутила на себе самым непосредственным образом: трудовая солидарность не позволила шоферу возить меня на казенной машине, сорвались занятия в библиотеке, так как работники ее научных залов включились в забастовку, сорвалась моя лекция в УОА из-за того, что студенты присоединились к бастующему обслуживающему персоналу... Я пишу здесь об этом только для того, чтобы наглядно продемонстрировать силу воздействия забастовки: она задела всех, к тому же она ударила нигерийцев еще и по карману.

Поводов и причин для забастовки было две. Во-первых, обслуживающий персонал требовал от администрации прибавки каждому к зарплате по три найры в день (надбавка на питание). Это требование обосновывалось обещаниями, которые федеральное правительство страны опрометчиво опубликовало за несколько месяцев до этого и которое ни в одном из университетов Нигерии к тому времени (в марте 1990 г.) так и не было выполнено. Три найры — в общем-то ничтожная сумма — это цена двух газет или трех бутылочек кока-колы, но если учесть, что уборщица в гестхаусе получает всего 150 найр в месяц, а квалифицированная секретарша кафедры, умеющая стенографировать, печатать на машинке, вести деловую корреспонденцию, — 400 найр в месяц, то три найры в день — сумма, за которую стоит бороться.

Второй, еще более серьезной причиной забастовки была угроза увольнения. В Нигерии избыток свободной рабочей силы ощущается постоянно и повсеместно — это связано с состоянием экономики. Проблема безработицы разрешается за счет неполной занятости. Еще не исчезнувшие традиции общинно-родственной взаимопомощи способствуют тому, что за человеком, занимающим более или менее авторитетную должность, тянется хвост ближних и дальних родичей и знакомых, не помочь которым с устройством на работу он просто не имеет морального права. И в этом смысле УОА — не исключение, обслуживающего персонала в нем было гораздо больше, чем требуется для нормальной работы университета. Новый проректор, профессор Адений Осунтогун, сменивший в 1990 г. на этом посту профессора Ванде Абимболу, решил разом уволить более 1740 человек обслуживающего персонала. Естественно, что люди возмутились, тем более что живут они совсем небогато.

Забастовщики собирались по утрам на университетском стадионе. Там они вырабатывали программу действий, а потом группировались в колонну, которая, извиваясь как огромная змея, направлялась к административному зданию, где на четвертом этаже находился кабинет проректора. Огромная толпа организовано,

без толкучки, давки и каких-либо эксцессов заполняла этажи административного здания, громко и без конца скандируя: «Проректор, отдай наши деньги!». И это все длилось более двух недель. Я не видела, чтобы кто-нибудь разгонял забастовщиков или хотя бы высказывал недовольство производимым ими шумом и дезорганизацией работы университета. Забастовка кончилась как-то незаметно, она сошла на нет без видимых поражений и побед, без публикаций в газетах, без публичных общественных обсуждений. Массовых увольнений при мне не было, добавки зарплаты на питание забастовщики тоже не добились.

Неполная занятость — это, конечно, не местная, а общенигерийская проблема. Одно из ее проявлений — огромное количество молодежи, занятой в розничной торговле. Вообще-то в этой стране мелкая розничная торговля — традиционно женское занятие. Но сейчас помимо девочек и женщин в нее втянулись сотни и тысячи юношей и подростков. В Нигерии торгуют везде: на традиционных рынках, занимающих обширные пространства в городах, на улицах, на территории университетов, вдоль шоссе и дорог. В Лагосе, у выезда с Виктория Айленд — самой богатой части города, где расположены оффисы, посольства и представительства иностранных государств, особняки нигерийской элиты — меня потрясли десятки подростков, бросающихся буквально под колеса встречных машин. В руках у них, как правило, всякие пустяки, вроде бумажных вееров и бабочек южнокорейского и японского производства, традиционных матерчатых шапочек, газет, журналов, кусков хлеба, сигарет, но бывают и более дорогие вещи. В течение нескольких минут, пока машины немного замедляют ход перед тем, как въехать на мост, мальчишки бегут вдоль машин, пытаясь продать свой товар через окно. Покупатели хладнокровно рассматривают товар, сидя в машине, в то время как мальчишки рискуют жизнью и имуществом, если чуть зазеваются или если машина внезапно прибавит ход. Такая опасная торговля — тяжелое зрелище для свежего человека*.

A Trip to Ile-Ife (1st Essay)

The article includes the author's impressions of her travelling to Ile-Ife, the cultural and historical center of ancient African civilization (South-West Nigeria) in spring 1990. Innovations to the traditional Yoruba culture, traditional ruling institutions and the role of the University in the conservation of traditional culture are described.

N. B. Kochakova

© 1992 г., ЭО, № 4

И. Муньис - Бесада

ПОЕЗДКА К ИНДЕЙЦАМ ПЕРУАНСКОЙ АМАЗОНИИ

В августе 1990 г. у меня появилась возможность съездить в департамент Мадре-де-Диос, на юго-восток Республики Перу. Основной целью поездки был сбор материала по теме диссертационной работы «Духовная культура индейцев Перуанской Амазонии», который дополнил бы имеющиеся в источниках и научной литературе сведения о религиозных представлениях и обычаях местных народов.

* Второй очерк будет опубликован в следующем номере журнала.